

ПУБЛІКАЦІЇ

Колесник А.В., Давыденко В.В., Коваль Ю.Г.

“КЛАД” КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. БОГОРОДИЧНОЕ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (БАССЕЙН р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА)

Реферат: В статье публикуется “клад” кремневых изделий, обнаруженных в 2009 г. при шурфовке новой стоянки каменного века на правом берегу р. Северский Донец возле с. Богородичное (Донецкая обл., Украина). Находка представляла собой компактное скопление из четырех кремневых изделий, включавшее заготовку крупного тесла, нуклеуса и еще двух артефактов, которые могли быть трансформированы как в нуклеусы, так и в топоры. Материалом послужил специфический местный кремнь верхнемелового возраста с аквамаринным оттенком. Вероятная дата комплекса, который можно считать небольшим индивидуальным кладом-приношением, – поздний неолит или энеолит.

Ключевые слова: клад, “ранцевый набор”, неолит, энеолит, заготовки кремневых нуклеусов и топоров.

Введение. В 2006-2009 гг. археологическая экспедиция Донецкого национального университета (Украина) опробовала новую для региона методику разведок памятников археологии. Эта методика заключается в сплошном детальном обследовании территории в одном из микрорайонов с повышенным биологическим и минеральным ресурсным потенциалом [Колесник, Давыденко 2008]. В ходе проведенных работ разведочными шурфами на относительно небольшом участке были проконтролированы практически все площадки в пределах поймы правого берега р. Северского Донца, принципиально пригодные для заселения или хозяйственного использования в древности.

Полигоном для реализации этой весьма трудоемкой поисковой программы стал небольшой отрезок долины реки между с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл. и х. Пасека Изюмского р-на Харьковской обл. Украины. Линейная протяженность участка более 20 км. Предшествующими работами здесь было выявлено значительное количество памятников археологии [Сибільов 1944; Телегін та ін. 1997; Колесник, Давыденко 2008; и др.]. На противоположном участке левобережной поймы Северского Донца, в основном вдоль края бортовой террасы, ранее также были найдены многочисленные следы поселенческой активности, демонстрирующие разнообразные модели землепользования от позднего мезолита до исторической современности [Сибилев 1936].

В результате проведенных работ нами были найдены обильные следы разновременной поселенческой активности в виде культурных слоев различной степени сохранности. Собранные материалы дают основание для типологической дифференциации культурных слоев и их тафономических производных. В настоящее время теория культурного слоя переживает фазу активного интереса [Колесник, Весельский 2002; Культурные слои ... 2006; и др.]. В целом, на исследованном участке долины Северского Донца фиксируется концентрация разновременных культурных остатков (от позднего палеолита до современности), которые в ряде случаев образуют фактически сплошную полосу планиграфически смежных остатков “жилых площадок” (“горизонтов обитания”) и их археологических дериватов. В ряде случаев эти остатки образуют сомкнутые цепочки разновременных культурных слоев.

Теоретически, любой современный ландшафт и соответствующая ему актуальная зоо- и фито-масса имеет длительную историю формирования, поэтому есть веские основания предполагать относительную стабильность ландшафтов в пределах подразделений одной геологической эпохи [Веклич и др. 1975]. Несмотря на различия в системах жизнеобеспечения, памятники археологии, оставленные древним населением, систематически накапливались именно в районе стабильной концентрации ресурсов разного рода, прежде всего, пищевых. Такое же значение имели участки с выраженной концентрацией минеральных ресурсов и участки с т.н. “ландшафтными преимуществами”. Повторяемость системы заселения (землепользования) с датами от позднего мезолита до исторической современности в данном секторе Юго-восточной Украины позволяет думать о том, что голоценовые флуктуации климата и ландшафтов были вторичными по отношению к стабильности местных экосистем.

Вместе с тем, несмотря на интенсивное многолетнее обследование этого археологического микрорайона, кажется, здесь выявлены еще далеко не все поселенческие структуры. В какой-то степени данная ситуация напоминает хорошо известный в археологии Салтовско-Нетайловский археологический мегапамятник в Харьковской обл. Украины, где до сих пор систематически выявляются новые не известные ранее участки могильников и культурных слоев средневековых селищ и более поздних памятников [Крыганов 2001].

Итак, в 2009 г. в указанном микрорайоне превентивной шурфовкой нами был локализован еще один дискретный археологический объект, получивший название “Большой Лиман 4”. Это новый, не известный ранее памятник. Культурный слой памятника приурочен к высокой площадке на берегу заболоченной старицы – оз. Большой Лиман. Данная террасовая площадка находится на краю известного с позднего средневековья Теплинского леса. Культурный слой имеет мощность около 0.5 м и залегает в современной почве черноземного типа. Слой слабо насыщен кремневыми изделиями. Основная концентрация расщепленных кремней отмечена на глубине около 0.4 м. от дневной поверхности. Границы распространения культурного слоя окончательно не установлены, но, видимо, совпадают с размерами террасовой площадки. В центре разведочного шурфа было найдено небольшое компактное скопление кремневых изделий, залегающих *in situ*. Расчистка скопления и культурного слоя зафиксирована фото- и видеосъемкой Е.Ю. Гирей (Санкт-Петербург) и В.М. Лозовским (Москва).

Описание скопления. Скопление включало четыре плотно прилегающих друг к другу крупных кремневых заготовки. Размеры скопления в плане – 28×25 см. Перепад высотных отметок составляет 9 см. Нижние отметки по глубине совпадают. Предметы залежали в виде “распавшегося комка”, что, скорее всего, отражает их первоначальное положение в небольшой портативной емкости, оставленной на древней дневной поверхности или помещенной в небольшую ямку с горизонтальным дном. О первоначальном положении в небольшом объеме свидетельствует параллельное расположение длинных осей изделий, возникающее при естественной укладке длинных или плоских предметов в сумке. Складывается впечатление, что емкость с изделиями была положена на плоскую поверхность. Как известно, поперечное сечение скоплений разного рода в ряде случаев позволяет аргументировать версии их генезиса. Два предмета в центре скопления лежат внакладку – один сверху другого. Признаки целенаправленной раскладки предметов в горизонтальной плоскости, отмеченной в некоторых кладах эпохи неолита и палеометалла [Vogoffka 2007], здесь не прослеживаются. Узкое пространство между предметами заполнено рыхлым почвенным материалом; образцы почвы отобраны для анализов.

Характеристика кремневого сырья. Все четыре изделия выполнены из качественного кремня, похожего на образцы местного сырья верхнемелового возраста. Макропризнаки позволяют говорить о двух вариациях близкого по характеристике кремневого сырья. Не исключено, что вариации кремневой массы относятся к различным участкам одной конкреции.

Заготовка крупного рубящего орудия выполнена из желтовато-серого с кремовым отливом кремня. Кремневая масса этого предмета может быть охарактеризована как стекловидная и мраморовидная, с концентрацией последней в средней части материнской конкреции. Этот эффект связан с незаконченной кристаллизацией ядра конкреции и, в целом, характерен для т.н. “желвачного” кремня различного генезиса. Известковая корка толщиной до 1 мм, светло-коричневая, гладкая, с темно-коричневыми поверхностными участками.

Три скребловидные заготовки выполнены из однообразного сырья. Это высококачественный пластичный полупрозрачный стекловидный кремень со специфической цветовой тональностью и небольшими белесыми округлыми матовыми включениями. Цвет стекловидной массы может быть описан как светло-серый с желтовато-аквамариновым оттенком. Корка известковая, толстая, светло-коричневая, с локальным темно-коричневым налетом.

Скорее всего, для изготовления предметов “клада” использовались близкие по качеству конкреции (или одна крупная полиморфная конкреция) из какого-то местного, пока не локализованного, источника. Похожий по цветности, меловой корочке и включениям кремень встречается во вторичном залегании в окрестностях с. Татьяновка Славянского р-на, в 8-10 км. вниз по течению Донца, а также в культурном слое финального бронзового века (?) т.н. Татьяновского городища. Следует отметить, что стекловидный меловой кремень с такой цветовой гаммой известен нам практически только в данном микрорайоне Донбасса. Геологический источник такого кремня в коренном залегании мы пока не знаем.

На известковой корке некоторых изделий сохранились участки особого темно-коричневого (до черного цвета) плотного глянцевого налета. В некоторых случаях (например, на образце № 4) этот налет имеет вид тонкой отчетливо видной как бы наклепленной сверху и размазанной смолистой субстанции. Во всех случаях эта поверхностная корочка срезается фасетками сколов обработки, т.е. изначально существовала на отдельностях кремневого сырья до их обработки. Тем не менее, возникло предположение, что на поверхности кремневых конкреций сохранились остатки окаменевшей органической смолистой массы, может быть, связанной с деятельностью человека. Геохимический анализ, проведенный в государственном региональном геологическом предприятии “Донецкгеология” (г. Артемовск, Донецкая обл.) показал, что это не так. Локальные участки темно-коричневой корочки – это природный минерал “Елизаветин скит”, гидроксид марганца $[(AlLi)OH_2 \times MnO_2]$ или $COMnO(OH)$.

Описание находок. В скоплении находились четыре крупные кремневые заготовки.

Образец № 1 – заготовка крупного рубящего орудия (рис. 1). Размеры: 205×68×50 мм. Изделие имеет удлиненно-овальную форму в плане и выраженное подтреугольное поперечное сечение. Продольное ребро прослеживается почти вдоль всей дорсальной поверхности. В качестве заготовки послужил, видимо, крупный первичный отщеп; преформа полностью изменена, но на дорсальной стороне сохранились участки меловой корки отщепа-заготовки. Спинка изделия сформирована слаборельефными сколами с негативами трапезиевидной формы. Окончания этих сколов перообразные, редко петлеобразные. В одном случае отмечена попытка подправки поверхности от ребра. Узкий конец заготовки заострен несколькими сколами, широкий фактически не обработан и сохранил первичную корку преформы. Уплощенная сторона мастерски обработана серией плоских тонких сколов. Многие встречные сколы стыкуются в средней части плоскости. Некоторые сколы окончились заломами на участке с вязкой не полностью перекристаллизованной кремневой массы. Обработка изделия явно велась т.н. “мягким отбойником”. Судя по качеству обработки уплощенной стороны, которая производит впечатление вполне законченной, общая плоско-выпуклая конструкция изделия планировалась изначально и не является стадийной формой. Явная незавершенность обработки (отсутствие поперечного лезвия) заставляет оценивать это изделие как заготовку крупного тесловидного орудия. В ходе обработки орудия наметилась глубокая поперечная трещина, которая не повлияла на оббивку, но неизбежно привела бы к слому при утилизации орудия.

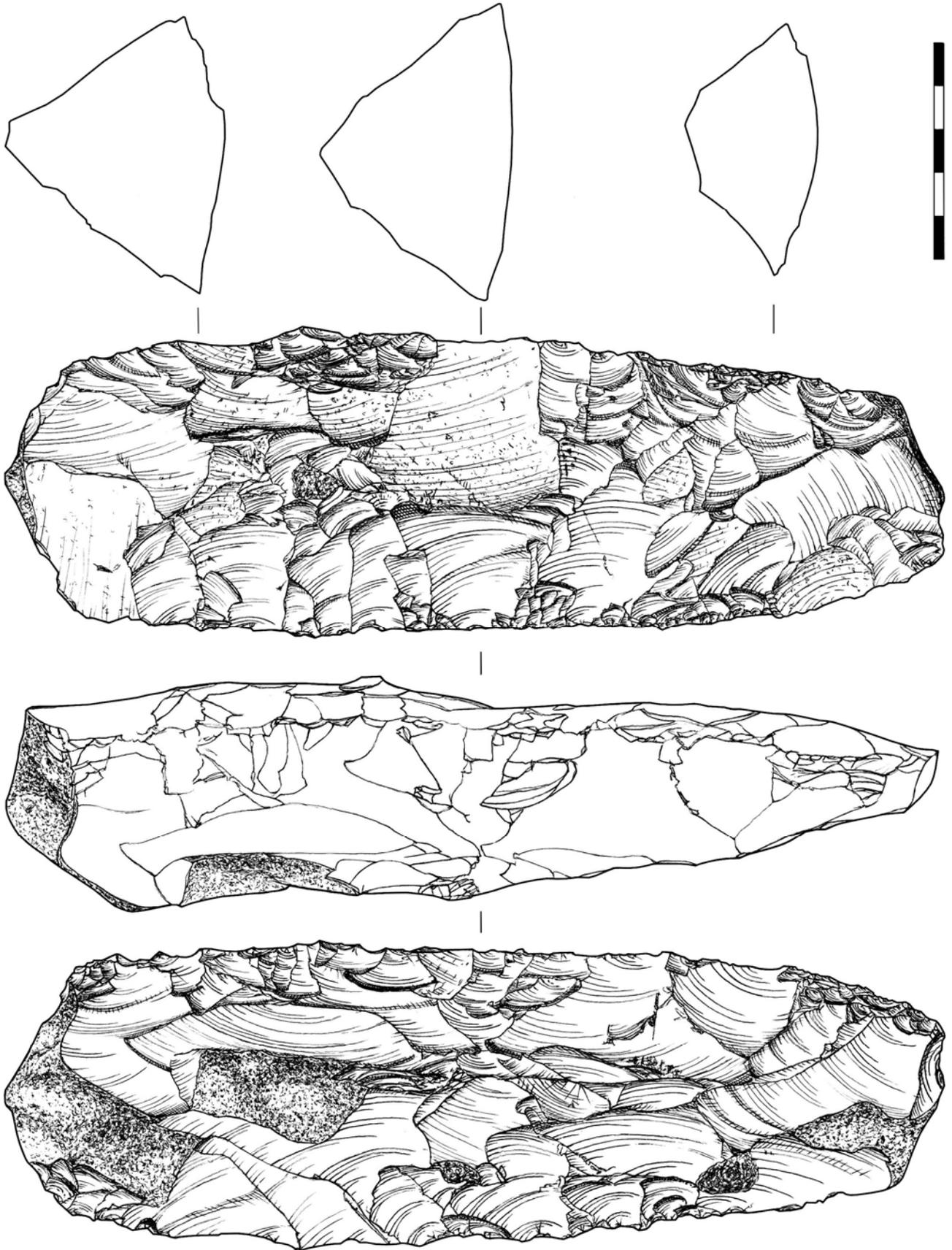

Рис. 1. Богородичное. Образец № 1.

Fig. 1. Bogorodychne. Sample № 1.

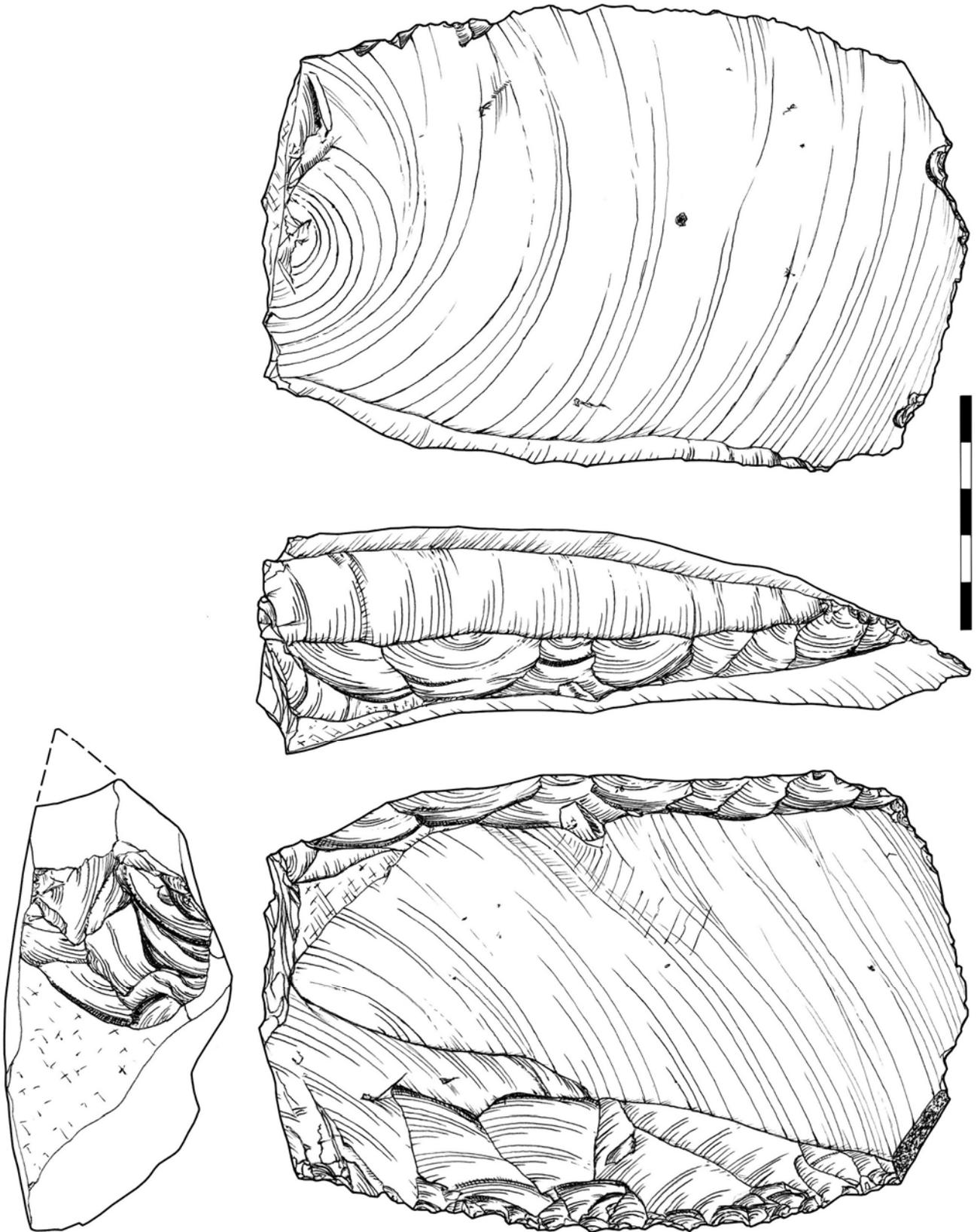

Рис. 2. Богородичное. Образец № 2.

Fig. 2. Bogorodychne. Sample № 2.

Образец № 2 – заготовка нуклеуса (рис. 2). Размеры: 145×93×45 мм. Подпрямоугольная форма изделия сформирована в результате оббивки крупного уплощенного т.н. вторичного (без меловой корки) отщеп. Площадка отщепа естественная, без известковой корки. Возможно, ударная площадка отщеп-заготовки является негативом крупного скола начальной стадии оббивки кремневой конкреции. Дорсальная поверхность отщеп-заготовки плоская и является негативом такого же крупного предшествующего скола. Корпус заготовки ограничен двумя параллельными краями, образованными крупными энергичными сколами с вентральной поверхности преформы. Эти скребловидные продольные края создают предпосылку для отделения первых реберчатых сколов в рамках нуклеусной технологии. Одна такая реберчатая пластина отжата с поперечной площадки пренуклеуса. Нуклеусная площадка специально создана серией сколов поверх площадки отщеп-преформы. Нуклеусная площадка имеет характерный блюдцеобразный вид, специально приспособленный для отжимной техники скола. Так называемый “карниз” специально создан в плоскости площадки для обеспечения “угла атаки”, необходимого для отжимной техники получения пластин [Гиря 1997]. Основание нуклеуса не обработано. Реализованный прием скалывания (в данном случае – отжима) является промежуточным между торцовым и объемным. По аналогии с редуцированной моделью мезо-неолитических нуклеусов т.н. “донецкого типа” [Колесник и др. 1993; Коваль, Горелик 2008], этот предмет можно диагностировать в качестве стадийной формы т.н. призматического нуклеуса, которые приобретали т.н. “карандашевидные” очертания в последней стадии сработанности. Первый краевой (реберчатый односторонний) скол имеет длину чуть более 110 мм; видимо, таковы максимальные размеры предполагаемых отжимных пластин. Изделие фактически подготовлено для дальнейшего целевого расщепления.

Образец № 3 – бифасиальная заготовка (рис. 3). Размеры: 160×95×50 мм. Представляет собой массивный крупный отщеп, преобразованный в подтреугольную в плане заготовку с плоско-выпуклым поперечным сечением. В качестве преформы использовался вторичный отщеп с продольным ребром, сформированным весьма энергичными предшествующими сколами. На широком конце заготовки сохранились площадка отщеп-преформы, не усеченная вторичной нуклеусной площадкой. На узком конце видна вспомогательная площадка, сколы с которой устранили изогнутость преформы в дистальной части профиля. Эта площадка, предназначенная для моделирования преформы нуклеуса, обеспечивала необходимую кривизну дистальной части первого формирующего целевого скола, поэтому не была устранена подправкой. Выпуклые продольные края заготовки выровнены мелкими краевыми сколами. Массивность заготовки, вероятно, исключала ее дальнейшую модификацию в крупное рубящее орудие. Вместе с тем, на заготовке не оформлена поперечная площадка в наиболее широкой части, которая однозначно свидетельствовала бы о нуклеусной “принадлежности” предмета.

Образец № 4 – заготовка нуклеуса (?) (рис. 4). Размеры: 171×100×44 мм. Изделие имеет вид массивной скреблообразной подтреугольной в плане заготовки, выполненной из весьма крупного первичного кремневого отщеп. Края изделия выпуклые, с зубчатым краем, отражающим начальную стадию формовки. Внешняя корковая поверхность отщепа плавно моделированная, гладкая, шероховатая. Выделяются небольшие участки с окислами гидрооксида марганца. Отщеп с рельефным ударным бугорком, который образовался в результате применения тяжелого “жесткого” отбойника. Площадка преформы дополнительно обработана поперечными сколами с вентральной стороны. Фактически эти сколы начали формовку поперечной площадки нуклеуса. Краевые участки заготовки обработаны грубыми сколами. Продольный профиль дополнительно выровнен относительно мелкими сколами, ориентированными на вентральную сторону. Один из продольных краев сформирован грубо, предварительно, другой тщательно подправлен абразивным способом и, кажется, приобрел морфологию первичного реберчатого скола. Краевые поверхности, сформированные таким образом – яркий индикатор нуклеусных технологий расщепления на

подготовительном этапе. Вместе с тем, относительно малая массивность корпуса заготовки не исключала ее дальнейшее оформление в топовидное орудие.

Все изделия выполнены в рамках одной технологии, в единой манере, которая, возможно, отражает индивидуальный “почерк” одного мастера.

Последние два образца (№№ 3 и 4) тракуются нами либо как заготовки нуклеусов (что более предпочтительно), либо как заготовки крупных рубящих орудий. Эти изделия отражают стадию редукации, в ходе которой универсальные скреблообразные заготовки в одинаковой степени могут обеспечить трансформацию предметов обработки как в нуклеусы, так и в бифасиальные рубящие инструменты (топоры, тесла и пр.). Исходя из морфологии образца № 2, нуклеусный контекст выглядит более вероятным.

Таким образом, по нашему мнению, в скоплении найдены заготовка кремневого нуклеуса, две скребловидные заготовки с возможной последующей трансформацией их в нуклеусы или рубящие орудия, и одна заготовка крупного тесловидного инструмента с асимметричным поперечным сечением.

Сравнительный анализ и вероятная датировка комплекса. Реализованная на трех заготовках нуклеусная технология в принципиальном виде соответствует заготовкам т.н. “донецкого типа”. Это название предложено для разнообразных скребловидных заготовок нуклеусов, выполненных из массивных отщепов [Колесник и др. 1993]. Разумеется, такая технология была распространена гораздо шире Донецкого региона и известна в археологии достаточно давно [Гирия 1997; и др.], однако в Донбассе этот прием широко использовался от позднего палеолита до энеолита включительно, поэтому может выступать своеобразным технологическим маркером местных кремневых индустрий. Характерной особенностью данного способа оформления пренуклеусов является формирование двух продольных односторонних ребер сколами с вентральной стороны отщепа-заготовки, а также поперечной площадки, связывающей эти два реберчатых края. Сколы этих двух односторонне оббитых продольных ребер создавали предпосылку для серии последующих параллельных сколов при нуклеусной “биографии” подобных заготовок. Крупные заготовки энеолитических нуклеусов в ряде случаев обрабатывались в такой же последовательности, но их основу составляли массивные конкреции с одним крупным продольным сколом, негатив которого служил площадкой для формирования продольных ребер. Дериваты этой универсальной нуклеусно-резцовой техники применялись также при получении специфических мезо-неолитических орудий (т.н. “резцы-струги”) [Колесник и др. 1993; Коваль, Горелик 2008]. Поэтому данная специфическая технология предварительной подготовки формы нуклеуса из отщепа сама по себе не может служить хронологическим индикатором.

Однако характерные особенности негатива реберчатой пластины, отделенной от одной из нуклеусных заготовок, весьма близки технике усиленного отжима или т.н. посредника. Рычаговая техника получения пластин с правильной параллельной зафиксирована в региональных комплексах только, начиная с позднего неолита. Посредник имеет более широкие хронологические рамки.

Заготовка крупного плоско-выпуклого рубящего орудия не имеет прямых аналогий в региональных материалах позднего каменного века и энеолита. В неолитических комплексах здесь известны т.н. “лимасовидные” изделия, но они меньших размеров, и имеют вытянуто-овальные очертания в плане. В какой-то степени это изделие внешне напоминает крупные долотовидные орудия т.н. “русско-карельского” типа, но последние делались преимущественно из сланца, имеют трапециевидное поперечное сечение на последней стадии обработки, и подвергались шлифовке [Тарасов 2008]. Кажется, изделия “русско-карельского” типа бытовали во время, близкое позднему неолиту – раннему энеолиту Украины.

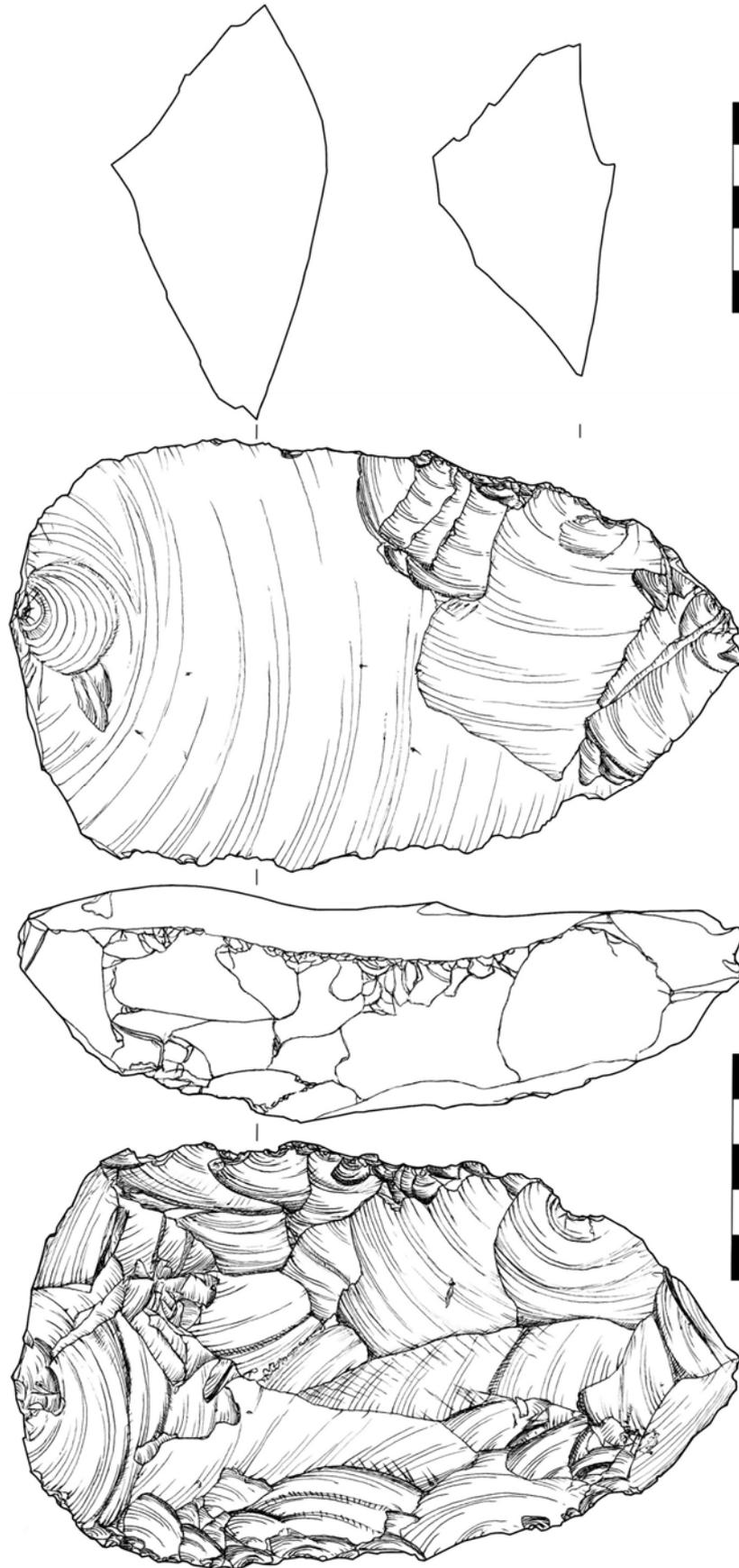

Рис. 3. Богородичное. Образец № 3.

Fig. 3. Bogorodychne. Sample № 3.

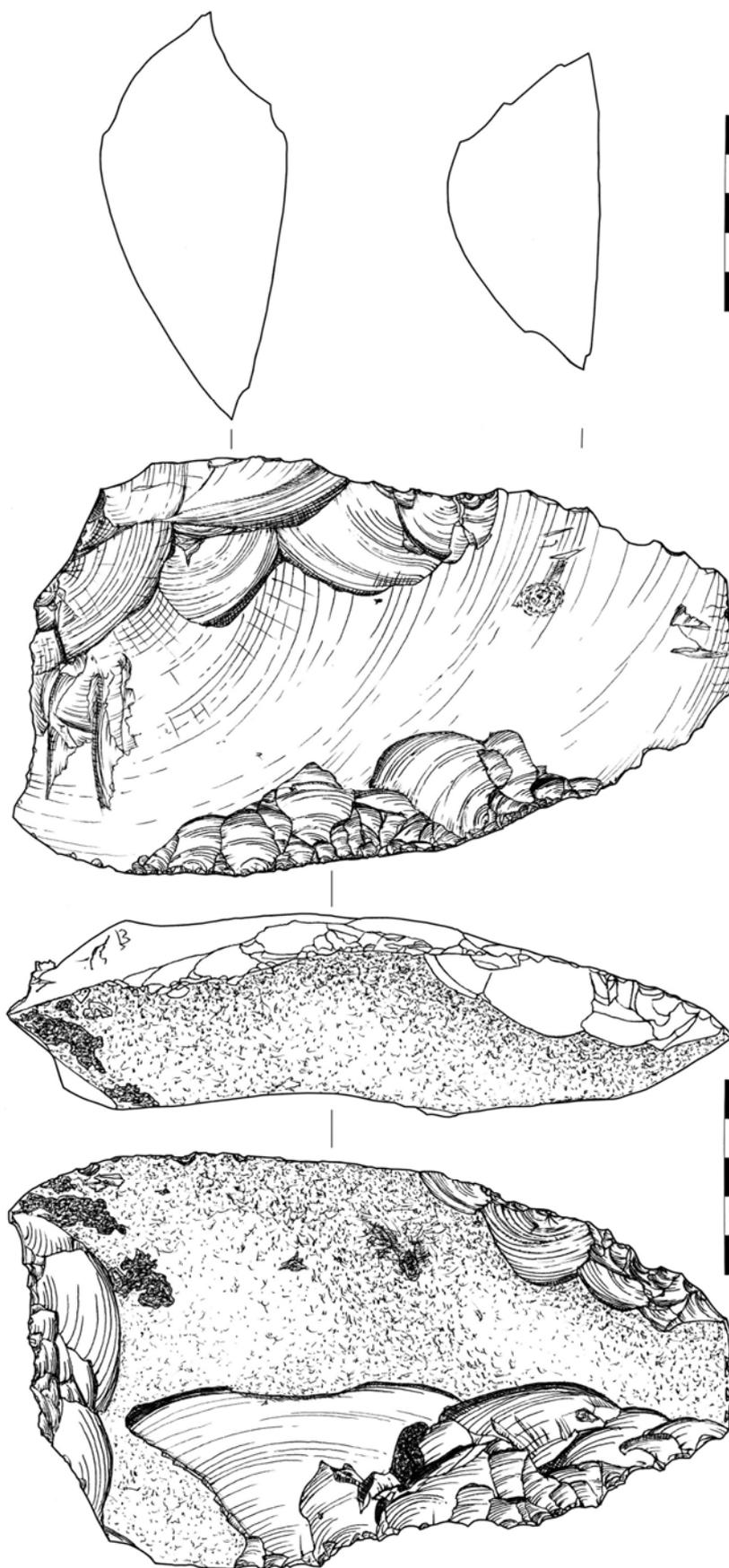

Рис. 4. Богородичное. Образец № 3.

Fig. 4. Bogorodychne. Sample № 3.

В целом, наиболее вероятной кажется датировка публикуемого комплекса в пределах позднего неолита – раннего энеолита.

Стратиграфические данные не дают оснований для более точной датировки. Образцы грунта, взятые непосредственно из самого скопления, пока не обработаны спорово-пыльцевым методом.

Общий контекст. Данное скопление обладает рядом археологических признаков, которые позволяют обсуждать его в связи с диагностикой, типологией и семантикой “кладов” каменного века – эпохи палеометалла.

В строгом смысле слова, кладом является специально сокрытый набор отобранных ценностей. Мотивы сокрытия кладов и их семантика весьма вариативны [Бочкарев 2002], также как и археологический контекст. С археологической точки зрения следует различать, видимо, клады, связанные с культурным слоем места обитания (1), клады в пределах погребально-поминальных комплексов (2) и клады, связь которых с двумя первыми типами не прослежена, возможно, независима, т.е. вне культурного слоя поселений и могильников (3). Публикуемый клад явно относится к первой категории, поскольку найден в пределах культурного слоя стоянки, и, без сомнений, является его специфическим структурным элементом, по терминологии Н.Б. Леоновой.

Клады такой разновидности не являются редкостью на юге Восточной Европы и встречаются в комплексах, начиная с позднего палеолита. Они серийно представлены в Каменной Балке под Ростовом, благодаря раскопкам М.Д. Гвоздовер и Н.Б. Леоновой. Преимущественно, это небольшие клады пластинчатых заготовок. В Северо-Восточном Приазовье на неолитической стоянке Матвеев Курган II в культурном слое также найден небольшой клад пластин [Крижевская 1992]. На Северском Донце известен клад из 17-ти крупных кремневых отжимных пластин, происходящий из энеолитического слоя поселения Крейдянка на Харьковщине [Колесник, Клименко 1998]. Список аналогичных объектов можно продолжить и дальше.

Подавляющее большинство кладов позднего палеолита и мезолита Восточной Европы, а также частично неолита и энеолита укладываются в условное представление о т.н. “ранцевых наборах” [Синицына 2000]. Эти клады, видимо, соответствуют относительно небольшому индивидуальному набору инструментов, переносимых охотником-собирателем в личной сумке во время краткосрочных рейдов. В составе таких “ранцев-кладов” присутствуют кремневые пластины, подготовленные к расщеплению нуклеусы, редко рубящие орудия или из заготовки. Типичный пример из донецких материалов – “клад” из п. Донецкое [Колесник, Коваль 2009]. Однако не все небольшие по размеру клады каменных изделий могут быть однозначно классифицированы в качестве “ранцевого набора”. В первую очередь это касается кладов топоров, поскольку топоры обладали повышенной престижной ценностью. Кроме этого, каменные топоры и их символы несли чрезвычайно весомую семантическую нагрузку в погребально-поминальных культах древности [Гурина 1976; Tilley 1996; Olausson 1997; Горелик 2003; и др.].

Массовые находки небольшие наборы аналогичных публикуемому “кладу”, возможно, отражают явление индивидуальной (личной) собственности и, таким образом, свидетельствуют о феномене индивидуальности в это время, возможно, о сложении основ современной структуры личности.

Вместе с тем, в неолите и энеолите Восточной Европы известны крупные клады кремневой продукции или медных изделий, которые не могут трактоваться в качестве индивидуальной собственности. Они явно соответствуют формам групповой собственности или их заменителям (родовой, клановой собственности, и т.д.). Промежуточное положение занимают т.н. “семейные клады” бронзового века из престижных бронзовых изделий, которые встречаются в пределах пространства жилища [Щетенко 2007]. Особую форму

личной или клановой собственности, близкой к индивидуальной, отражают клады каменных матриц для отливки бронзовых изделий – т.н. “мастерские литейщика” [Черняков 1965; и др.].

Описанный “клад” по своим признакам ближе всего соответствует т.н. “ранцевым наборам”, прежде всего, в смысле своей портативности. Однако этот термин уже нуждается в коррекции. Подготовленные к целевому расщеплению нуклеусы, полифункциональные заготовки и почти законченная заготовка рубящего орудия вполне могли быть небольшим личным краткосрочным запасом. Вместе с тем, ряд контекстов не позволяет однозначно трактовать этот набор только как переносной “ранцевый набор”. Заготовка тесловидного орудия содержит трещину, которая, скорее всего, привела бы к слому при функциональной нагрузке. Поэтому может обсуждаться другой статус этого набора, т.е. другие целевые версии сокрытия данного набора ценностей. Возможно, что этот набор в форме простого индивидуального “домашнего запаса” был сокрыт на месте поселения в каких-то “культовых” целях. Под этим словом скрывается многообразная мотивация поступков и процедурная вариантность, к пониманию которой хотелось бы приблизиться при помощи такого археологического инструмента, как клады кремневой продукции.

Заключение. Таким образом, скорее всего, мы имеем дело с небольшим индивидуальным “кладом-приношением” эпохи позднего неолита – раннего энеолита, оставленном на месте поселенческой активности. Понятия “ранцевый набор” и “индивидуальный клад-приношение” предполагают отдельную расширенную аргументацию вне рамок данной заметки.

Представляется, что при тщательной разборке “поселенческих” культурных слоев разного времени информация о скоплениях–“кладах” подобного рода должна встречаться гораздо чаще на страницах археологической литературы, как это следует из ряда публикаций хорошо раскопанных комплексов [Сериков 2010; и др.].

Благодарности. При подготовке материалов к публикации авторы обсуждали вопросы типологии, технологии и хронологии комплекса с Н.П. Герасименко (Киев), Е.Ю. Гирей (Санкт-Петербург), С.М. Дегерменджи (Донецк), Н.Б. Леоновой (Москва), В.М. и О.В. Лозовскими (Москва). Выражаем коллегам благодарность за советы и консультации.

Колесник О.В., Давиденко В.В., Коваль Ю.Г.

“СКАРБ” КРЕМЕНЕВИХ ВИРОБІВ З ОКОЛИЦЬ с. БОГОРОДИЧНЕ В ДОНЕЦЬКІЙ ОБЛАСТІ (БАСЕЙН р. СІВЕРСЬКИЙ ДІНЕЦЬ, ПІВДЕННО-СХІДНА УКРАЇНА)

2009 р. під час шурфування нової стоянки кам'яного віку на правому березі р. Сіверський Дінець біля с. Богородичне (Донецька обл., Україна) було знайдено компактне скупчення з чотирьох крем'яних заготовок. Вироби перебували на глибині 50 см. від денної поверхні у слабко насиченому культурному шарі. “Скарб” містив заготовки великого тесла, нуклеуса та дві заготовки, що їх можна було трансформувати як у нуклеуси, так і сокири. В якості сировини використовувався місцевий кремій аквамаринового кольору. Цей комплекс датується пізнім неолітом або енеолітом. Вірогідно, це був невеличкий індивідуальний скарб-приношення.

Ключові слова: скарб, “ранцевий набір”, неоліт, енеоліт, заготовки кременевих нуклеусів і сокири.

Kolesnyk A.V., Davydenko V.V., Koval Yu.G.

“TREASURE” OF FLINT PRODUCTS FROM VICINITIES OF w. BOGORODYCHNE IN DONETSK REGION (POOL OF r. SEVERSKI DONETS, SOUTHEAST UKRAINE)

The new Late Neolithic–Eneolithic site was investigated at 2009. The site is situated near the v. Bogorodychne (Donetsk region, Ukraine). The compact concentration of non-finished flint production (four pieces) was founded in the archaeological test-pit. The deep of concentration into the cultural layer is over 50 sm. The raw-material is local kind of aqua-marine color Upper Cretaceous flint. There were performs of cores (axes?) and chisel. The “individual sacral hoards” contest is under discussion.

Keywords: Treasure, “satchel set”, Neolith, Eneolith, performs of flint nuclears and axes.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы / В.С. Бочкарев // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – С.45-55.

Веклич М.Ф. Палеоландшафты областей позднекайнозойского лессообразования [М.Ф. Веклич, Н.А. Сиренко, В.А. Дубняк и др.] // Геоморфология и палеогеография. – Л, 1975. – С. 23-28.

Гурина Н.Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР / Н.Н. Гурина. – Л., 1976. – 178 с.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда / Е.Ю. Гиря. – СПб., 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Горелік О.Ф. Денежниківський “скарб” неолітичних тесел (Південно-Східна Україна) / О.Ф. Горелік // АА. – № 13. – Донецк, 2003. – С. 272-280.

Коваль Ю.Г. Резцы, струги или нуклеусы? К вопросу о назначении одного специфического типа изделий каменного века Донбасса / Ю.Г. Коваль, А.Ф. Горелік // АА. – № 19. – Донецк, 2008. – С. 263-274.

Колесник А.В. Клад кремневых пластин из Харьковщины / А.В. Колесник, В.Ф. Клименко // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. конф. – Ростов-н/Д, 1998. – С. 45.

Колесник А.В. Краматорская неолитическая мастерская / А.В. Колесник, С.М. Дегерменджи, Ю.Г. Коваль // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 13-23.

Колесник А.В. Археологическая характеристика горизонта находок / А.В. Колесник, А.П. Весельский // Висла балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. АА. – № 11. – Донецк, 2002. – С. 23-28.

Колесник А.В. Разведки памятников археологии в Подонцовье в 2008 г. / А.В. Колесник, В.В. Давыденко // Святогірський альманах 2008. – Донецк, 2008. – С. 28-38.

Колесник А.В. Кремневый “клад” из п. Донецкий Славянского района / А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль // Святогірський альманах 2009. – Донецк, 2009. – С. 22-35.

Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика // Материалы научной конференции / Под ред. А.А. Узянова. – М.: Природа, 2006. – 306 с.

Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья / Л.Я. Крижевская // Археологические изыскания. – Вып. 5. – СПб., 1992. – 177 с.

Крыганов А.В. Состояние и задачи изучения Верхнесалтовского археологического комплекса / А.В. Крыганов // Проблемы истории и археологии Украины: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию независимости Украины. – Харьков, 2001. – С. 102-103.

Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы / Ю.Б. Сериков // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). – М., 2010. – С. 276-293.

Сибилев Н.В. Археологические исследования краеведческих музеев / Н.В. Сибилев // Советский музей. – 1936. – № 3. – С. 33-37.

Сібільов М.В. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця / М.В. Сібільов // Наукові Записки Інституту історії і археології України. – Кн. 2. – К., 1944. – С. 29-37.

Синицына Г.В. “Клады” валдайской культуры и их хронология / Г.В. Синицына // Хронология неолита Восточной Европы: тез. докл. междунар. конф., посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. – СПб., 2000. – С. 69-71.

Сніжко І.А. Нові пам'ятки кам'яного віку на Харківщині / І.А. Сніжко // АА. – Вып. 19. – Донецк, 2008. – С. 211-216.

Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века / А.Ю. Тарасов // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. – СПб.: Наука, 2008. – С. 189-200.

Телегін Д.Я. Обстеження поселень епохи міді, бронзи і ранньослов'янського часу на Сіверському Дінці / Д.Я. Телегін, О.Й. Духин, Е.С. Кравченко // Археологія. – 1997. – № 2. – С. 143-147.

Щетенко А.Я. К проблеме интерпретации клада культовых предметов из Даймабада (Центральная Индия) / А.Я. Щетенко // Искусство и религия древних обществ. – Луганск, 2007. – С. 131-174.

Черняков И.Т. Красноярецкий клад литейщика / И.Т. Черняков // КСОГАМ за 1963 год. – Одесса, 1965. – С. 87-124.

Boroffka N. Some thoughts on deposition-habits in the pre-metallic periods of Europe / N. Boroffka // Искусство и религия древних обществ. – Луганск, 2007. – С. 52-58.

Olaussen D. Craft specialization as an agent of social power in the South Scandinavian Neolithic / D. Olaussen // Man and flint. Proceeding of the VII-th International Flint Symposium: (Warszawa – Ostrowiec Swietokrzyski, September 1995). – Warszawa, 1997. – P. 269-277.

Tilley C. An Ethnography of the Neolithic / C. Tilley // Early Prehistoric Societies in Southern Scandinavia (New Studies in Archaeology). – Cambridge: Univ. Press, 1996.